

Детские годы в Арнаутской слободке

Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
А.С. Пушкин

"О, сколько нам открытий чудных" готовят архивные изыскания Олега Иосифовича Губаря по истории Одессы! Каждая их публикация вызывает неизменный интерес, дает возможность слой за слоем открывать историю родного города в безукоризненной документальной точности.

Но, признаюсь, публикация в альманахе "Дерибасовская — Ришельевская (№ 40) очерка О. Губаря "Арнаутская слободка и Вольный рынок" вызвала у меня особый эмоциональный отклик, долго не отпускавший и побудивший сесть за клавиатуру — теперь ведь не скажешь: "и пальцы тянутся к перу, перо к бумаге"...

Прежде всего, сам топоним — Арнаутская слободка. До сих пор, как известно, сохранился район — Слободка, утративший уточнение — Романовка. Сохранилось в памяти, хоть исчезло из употребления, название Воронцовская слободка. А уж легендарную "Воронью слободку", ее быт и нравы на себе испытал, в частности, в Одессе, каждый второй — коммунальные квартиры, а то и дворы напоминали образ, созданный И. Ильфом и Е. Петровым.

Одесситы знали, что своим названием улицы Большая Арнаутская и Малая Арнаутская обязаны албанцам, первым поселенцам этого района, хоть, как пишет О. Губарь, люди селились там разные: "По распоряжению де Рибаса эти сооружения передали греческому попечителю Кес-Оглу (Кесоглу) для размещения средиземноморских переселенцев. Последний, однако, помещал здесь не только греков, албанцев и югославян, но и лиц, прибывавших из разных регионов России и зарубежья".

Я заинтересовалась, почему албанцев звали арнаутами. Нашла много интересного: арнауты — субэтнос, утративший свой язык. В отличие от албанцев, арнауты — православные, может, поэтому самая большая община арнаутов живет в Греции. В память о былом кроме названий улиц в Одессе сохранились фамилии Арнаут и Арнаутов. Когда-то высоким одесским стандартом была картошка "американка", фонтанские помидоры и мука из "арнаутки", то есть пшеницы особо твердых сортов.

Турки называли албанцев арнаутами, а греки — арванитами. Я вспом-

нила, что у моей старшей сестры была подруга — Алла Арванити, жила она наискосок от нас на Малой Арнаутской угол Гимназической. Может, ее предки и были первыми поселенцами нашего района.

Но вот Арнаутская слободка — я впервые услышала такое историческое название, не сохранившееся ни в живой речи, ни в литературе. Но главное, что меня привело в уже упомянутое эмоциональное потрясение, — совершенно личное: значительная часть моей жизни была связана с Арнаутской слободкой. Если часто говорят — мы родом из детства, то я могу сказать, что мое детство родом из Арнаутской слободки.

Оказывается, история моей "малой родины" началась еще в августе 1795 года, то есть это старейший район города, что в моих глазах придает ему дополнительную прелесть, а уж особую гордость вызвало такое сообщение: "Эпицентр Арнаутской слободки представлял собой в плане почти квадрат, ограниченный современными улицами Базарной, Канатной, Пантелеймоновской и Пушкинской".

Так вот я и жила в самом "центре" этого эпицентра. Два основных "ствола", давших название Слободке, — Большая и Малая Арнаутские — корнями уходят к морю, пересекаются протяженными Канатной, Ремесленной (Осипова), а между Белинского и Пушкинской ветвятся крошечным Канатным переулком, Новой (теперь Черновола), Гимназической и Земской (Лейтенанта Шмидта).

Вот Гимназическая, между Малой Арнаутской и Большой Арнаутской, и была судьбой подарена мне в детстве и ранней юности "во владение", в обитание.

Правда, в начале войны и оккупации мы жили на углу Пушкинской и Малой Арнаутской, в глубине небольшого дворика в подслеповатом помещении на уровне земли. Потом, как рассказывала мама, нас оттуда выставили, потому что оккупанты разместили там жандармерию. Наверное, в помещении, где мы жили, разместили конюшню.

Этот угол Пушкинской и Малой Арнаутской запомнился мне страшным впечатлением. Перед освобождением Одессы была взорвана (?) табачная фабрика (на ее месте в 50-е годы выстроили ЦУМ), и мы с мамой видели пожар, охвативший все этажи прекрасного здания в стиле модерн. Зрелище было ужасное.

Часть квартала Пушкинской от Малой Арнаутской до Ильинской церкви продолжала оставаться своей, домашней. Мои родители на протяжении многих лет были прихожанами Ильинской церкви. Гораздо позже мама рассказывала, как после войны, во второй половине сороковых годов, в Ильинской церкви появились новые прихожане — довольно моло-

дой человек с пожилой элегантной дамой с неизменной шляпкой на голове. Они всегда стояли в левом приделе, у клироса. И при всей скромности и строгости их одеяния они выделялись среди церковной публики. Это были вернувшиеся из Франции Николай Алексеевич Полторацкий и его мама Елена Карловна Полторацкая (Мейнике).

Собственно, мама об этом начала рассказывать, когда мы подружились с Николаем Алексеевичем и Натальей Филипповной Полторацкими. Потом подросла Анна Николаевна Полторацкая. Мы и с ней подружились. И ходили к Полторацким-старшим на Нежинскую, и к Анке Полторацкой на Пушкинскую. Она к тому времени жила со своей семьей в тех комнатках бывшего Ильинского подворья, в которых по возвращении, до женитьбы на Наталье Филипповне, жил с Еленой Карловной Николай Алексеевич.

Боже, как хорошо было тогда и на Нежинской, и на Пушкинской!

...Изгнанные жандармерией с Пушкинской, мы нашли пристанище на Гимназической. Именно там, на Гимназической угол Большой Арнаутской, прошло в страхах раннее "детство с испуганными глазами". Я уже об этом писала. И все же. Как долго тянулись там два с половиной года оккупации, пока мы не дождались освобождения! Два апрельских дня 1944 года запомнились навсегда. В серый день 9 апреля оккупантами были расклеены бумажки с приказом закрыть ставни на окнах, оставить открытыми ворота и двери. Все были в панике: чего ждать — резни? Наконец, под вечер мама приоткрыла ставни в окне, выходящем в просвет между двумя домами на Большую Арнаутскую, и мы увидели серую толпу, тянувшуюся в сторону Пушкинской. Они уходили. Мама начала креститься и плакать от радости: "Господи, наконец-то они уходят!". И незабываемый первый счастливый день — солнечное утро 10 апреля! И опять по Большой Арнаутской, но уже от Старопортофранковской, Ришельевской, Пушкинской шли НАШИ — в мокрых гимнастерках (шли от затопленной водой Пересыпи), уставшие, со счастливыми лицами — мы вернулись в Одессу! Весь народ высыпал на улицу, со всем, что было у каждого в доме, — мамалыга, картошка в мундирах, кусок хлеба. Объятия, поцелуи! Даже теперь, спустя столько десятилетий, я помню 10 апреля как один из самых счастливых дней в моей жизни.

Через какое-то время мы переехали на Гимназическую угол Малой Арнаутской. Отсюда я пошла в школу, отсюда уехала в Ленинград, сюда за мной пришел Женя Голубовский, чтобы повести в ЗАГС возле Оперного театра, в Пале-Рояле. Я вернулась из Ленинграда. Мы жили с Женей на Кузнечной, но родители продолжали жить на Гимназической угол Малой Арнаутской. Да и я была прописана там же, пока мы не получили квартиру на Черемушках.

Кстати, о прописке. Наш ЖЭК был на Земской. Пишу Земская не от фанатерии, а просто с тех далеких лет привыкла к этому названию. Мне приходилось там бывать у паспортистки Аллы Ивановны, веселой одесситки, то за какой-то справкой, то однажды, потеряв паспорт. Алла Ивановна, отругав меня, выдала мне новый паспорт. Через какое-то время я в него заглянула и увидела, что в графе "Место рождения" было написано "Ленинград". Я опять бросилась на Земскую.

— Алла Ивановна, я очень люблю Ленинград, но я все-таки родилась в Одессе!

— Ой, какая разница! — воскликнула Алла Ивановна. — Ладно, будет тебе Одесса, хоть я думаю, что ты ленинградка. А вообще, скажи спасибо, что в паспорте нет шестой графы — специальность. Я бы тебе написала — балерина.

И еще несколько лет, встретившись на Малой Арнаутской, Алла Ивановна говорила: "Моя ленинградская балерина!"...

...Освоение Арнаутской слободки проходило постепенно. После освобождения Одессы, до того, как я пошла в школу (на Французском бульваре), только малое пространство вблизи нашего дома было знакомым и привычным — Ильинская церковь, кинотеатр "Бомонд" на углу Земской и Итальянского бульвара (потом на его месте выросла "хрущевка"). Походы с мамой на Привоз, особенно привлекательным был магазин в центре старого Привоза, где продавались различные промтовары, в том числе игрушки. Это было полутемное помещение-временка, построенное чуть ли не из жести, похожее на большой склад, но носило оно название ГУМа. Каждую весну там покупались на лето сандалии, на протяжении нескольких лет они были абсолютно одинаковыми, только менялся размер.

Магазинов было немного, некоторые сохранились еще с дореволюционных лет. Старожилы помнили их прежние имена, гастроном на углу Пушкинской и Новорыбной неизменно назывался Дубининским.

С одним магазином связано воспоминание, оставшееся на всю жизнь. На нечетной стороне Малой Арнаутской, ближе к Земской, до последних лет была булочная. Обычно мы ходили в булочную на Канатной — между Малой Арнаутской и Большой Арнаутской, но часто и туда, к Земской. Напротив булочной стояла будка, где иногда, чтобы не мешать булочной, "выбрасывали" какие-нибудь продукты — крупы или муку. Очевидно, как-то узнавали об этом заранее, потому что очередь выстраивалась с раннего утра.

Мы с мамой заняли очередь, "в одни руки" давали ограниченное количество продукта, а семья была большая. В начальных классах школы я училась всегда на второй смене, вот мне и выпадала обязанность стоять

с мамой в очередях. Мы уже приближались к заветному окошку будки, как вдруг появился мужик в милицейской форме, окинул взглядом (так и хочется написать — мутным) очередь, подошел к моей худенькой маме, выгасил ее из очереди и занял наше место. Я заплакала, у мамы дрожали губы. Никто из очереди слова не выкрикнул в нашу защиту.

В детстве нам делали прививки от оспы, Манту, Пирке и другие. Но тогда и там, на Малой Арнаутской, в свои семь или восемь лет я получила, может быть, самую важную прививку. На всю жизнь — от власти, в тот раз явившейся мне в милицейской форме, и от толпы...

Угол Малой Арнаутской и Земской, по диагонали от злополучной будки, связан совсем с иными воспоминаниями. За высокой решеткой в глубине уютного дворика стояло красивое старинное здание, и там же, в этом дворе, в послевоенные годы стоял, как на якоре, настоящий небольшой самолет. Это уже теперь я знаю, что здание было изначально синагогой рубщиков кошерного мяса и построено было еще в первой половине XIX века. Тогда же, в послевоенные годы, там был Аэроклуб. Все детские годы я проходила мимо, любуясь и зданием, и самолетиком. Только когда в девятом классе мы перешли в мужскую школу, я иногда с одноклассниками заходила внутрь здания. На втором этаже был кружок авиамоделирования, в котором пропал наш соученик Володя Литвак. На длинном столе у окна перед Володей лежали десятки, а может, сотни каких-то только ему понятных деталей, винтиков, гаечек, шурупчиков и прочих ценностей, над которыми Володя колдовал, пытаясь что-то нам объяснить. Мало я помню в те годы таких увлеченных сверстников, как Володя Литвак.

Кроме не исчезавшего из памяти горького эпизода с будкой и милиционером эта нечетная сторона Малой Арнаутской от Земской до Гимназической подарила, к счастью, и другие воспоминания, другие образы.

В середине учебного года в девятом классе у нас появилась новая девочка с пушистыми черными ресницами, оттенявшими синеву ее глаз, с густой шапкой темных волнистых волос, словом, красавица! У нас в классе все девочки были с косичками, в параллельных были девочки и со стрижками. Наш классный руководитель Исая Ефимович Затуловский, человек строгих правил, говорил: "В моем классе учатся девочки, а в тех — барышни". И тут появилась со своей замечательной головкой Лора Фельдмус! Мы быстро с ней подружились, тем более что жила она вначале на том квартале, о котором идет речь. Через какое-то время она переехала на Канатную, в угловой дом напротив стадиона "Спартак". Лариса приехала в Одессу из далекого казахского Темир-Тау. Чуть позже, со-

гретая одесским теплом, она рассказала, что оказалась в Темир-Тау потому, что там находился в "почетной" ссылке ее отец. После его кончины она вернулась в Одессу. Мы уже окончили школу, но Лариса оставалась моим "Вергилием" в точных науках, она училась в институте связи, и мои проблемы в строительном институте казались ей пустяком.

Через много лет Лариса (она очень давно живет в Лос-Анжелесе) нашла меня через сайт Всемирного клуба одесситов. Для меня она осталась той же прелестной девочкой с Малой Арнаутской — между Земской и Гимназической!

Всем читателям, слушателям, поклонникам таланта писателя, историка, знатока Одессы, одессита до последней нервной клетки открою тайну — на этом квартале всю жизнь живет Александр Розенбойм (Ростислав Александров), мой приятель с давних школьных лет.

Начиная от Канатной и до Белинского — что ни дом, то воспоминания об одноклассницах и одноклассниках.

Вот эркер на третьем этаже дома, где жила Рита Лихтер. Мы часто возвращались с ней с Французского бульвара, из школы, вместе. Иногда я провожала ее в Отраду, где жил ее отец, в доме, на месте которого выросла современная помпезная "Отрада". На Малой Арнаутской Рита жила с двумя тетями, очевидно, сестрами ее мамы.

Рита была очень живой добродушной девочкой, очень смешливой. Умер Сталин. Всех учениц нашей женской школы поочередно ставили к гипсовому бюсту в "траурный караул". Меня поставили с Ритой. Что-то она мне шепнула, а я в смешливости ей не уступала. Какой мукой было в течение этих минут караула под бдительным взглядом директрисы школы сдерживать смех, распиравший нас! Но в четырнадцать лет мы уже понимали, что смех "у тела" вождя может плохо кончиться не только для нас, но и для наших близких...

Малая Арнаутская угол Канатного переулка. В этом доме жила машинистка, у которой мы покупали отпечатанные на папиросной бумаге экзаменационные билеты и потом кружочком перед каждым экзаменом отмечали номера уже выученных.

А в доме напротив жил Дима Гуревич. Когда мы учились в десятом классе, проходила республиканская олимпиада по математике. Было девять победителей. Из них семеро из Одессы, все из нашей 101-й школы, из них пятеро — из нашего класса: Дима Гуревич, Валерий Кудинов, Володя Низгурецкий, Феликс Ройтман, Жора (Зёка) Яблонский. Наш математик и классный руководитель Исай Ефимович Затуловский был счастлив.

Я никогда не обладала математическим талантом. Но еще много лет после школы удивляла своих знакомых хорошими знаниями по математике. На их удивление всегда отвечала — меня хорошо учили математике в 54-й школе, на Французском бульваре, Нехаме Иосифовна Глезер, Израиль Самойлович Кац и Исая Ефимович Затуловский — в 101-й, на Большой Арнаутской.

"Я гляжу на фотокарточку: две косички, строгий взгляд..."

Лора Фурман жила на Малой Арнаутской, напротив Канатного переулка. Невысокого роста, с едва заметными веснушками, подчеркивавшими милость ее лица. Жила с мамой, рано овдовевшей, с младшими сестрой и братом, о которых заботилась с мамой наравне.

Комсорг класса. Один из наших одноклассников называл ее — "директор советской власти". С первого по десятый класс училась исключительно на "пятерки" — без всяких поблажек со стороны учителей. Но "директора советской власти" растоптала советская власть.

Письменный экзамен на аттестат зрелости, то ли сочинение по русской литературе, то ли математика. Лоре втиснули какую-то ошибку, то ли запятую лишнюю, то ли какую-то математическую малость. Золотой медали ей не дали, получила она серебряную. Она пыталась бороться, ездила в Киев, в министерство образования. Конечно, ничего не добились. Мы все понимали, почему Лора не получила золотую медаль, но помочь ей, кроме участия и сопереживания, ничем не могли.

Это ее подкосило. Она поступила в самый близкий к дому гидрометеорологический институт (он был тогда на Большой Арнаутской). Она и там училась отлично, скорее, уже по привычке. Потом вышла замуж за вьетнамца. Ее долго муржили здесь. И во Вьетнаме ей было несладко. С сестрой, уехавшей в Америку, переписывалась через Одессу — во Вьетнаме шла война.

Из наших одноклассников она первая покинула эту столь горькую для нее землю...

Даже сейчас, несмотря на убийственные пробки на узкой мостовой, несмотря на то, что "флора там все та же, да фауна не та", Малая Арнаутская все же сохранила тихий неброский архитектурный облик девятнадцатого столетия с немногими вставками века двадцатого, хоть начинает вторгаться и нынешнее столетие. На смену романтическому определению девятнадцатого века — "Архитектура — это музыка, застывшая в камне", с новыми реалиями пришло иное — "Архитектура — это коррупция, застывшая в камне"... У Бориса Херсонского есть сборник горьких стихов с выразительным названием "Площадка под застройку". Боюсь, что и Ма-

лой Арнаутской, одной из старейших улиц Одессы, грозит участь стать очередной площадкой под застройку в нашем городе.

Большая Арнаутская. И с этой улицей связано очень много: Сто первая школа, детская районная библиотека во дворе дома номер семь и вечная просьба: "Дайте толстую книгу!" — любую, но чтобы долго длилась радость чтения. Летний кинотеатр — потом на его месте построили Гидрометинститут, теперь там ПКТИ. Лето 55-го года. Бесконечно крутится аргентинский фильм "Возраст любви" с Лолитой Торрес. Билеты в кассе берутся с боем. Не попавшие в кинотеатр слушают Лолиту Торрес под его стеной, на улице, мальчишкам удается взбираться на забор и высокие деревья. Всеобщий восторг. Моя одноклассница с гордостью говорит: "Мой папа 18 (!) раз смотрел "Возраст любви". Вот это любовь! Что там современные хиты!

И дом, построенный в стиле модерн архитектором Скведером! Он был самым красивым и самым необычным домом на Большой Арнаутской от Гимназической до Белинского. Пройти мимо него, не испытав восхищения и восторга, было невозможно

Но главное — Большая Арнаутская была дорогой, которая вела к морю. Может быть, одесское выражение "вид на море и обратно" родилось на Большой Арнаутской? А вид был тот еще, как говорили в Одессе!

Большая Арнаутская, замедлив свое по тем временам широкое течение, естественно вливалась в Лермонтовский переулок. Эти прелестные одесские переулочки и улочки, воспетые Паустовским и Катаевым, — Черноморская (в те времена еще была вторая сторона улицы, погибшая позже во время оползня), Обсерваторный, Стурдзовский, Лермонтовский, Вагнеровский, вся Отрада — в них предвкушение моря было особенно волнующим. В их неповторимость, их лирическую мелодию вливалась музыка морской стихии, вольности и свободы.

Лермонтовский переулок был связан с морем еще одной отличительной особенностью — здесь размещался экипаж одесской "Средней мореходки". Колонны юных гардемарин, возвращавшиеся из училища в экипаж или же отправлявшиеся в училище, были его "визитной карточкой". И по вечерам в выходные дни — танцплощадка. За танцующими парами с восхищением и завистью наблюдали сквозь красивую решетку двора экипажа не удостоившиеся чести быть по ту сторону решетки.

В крошечном переулке, как и на Арнаутских, кажется, все лица были знакомы. На углу Белинского и Лермонтовского переулка жила моя одноклассница и по женской школе, и по сто первой — Аида Сафарян. В воротах дома, на месте которого высятся теперь "Маскарад", кажется, до сих пор стоит Нью-

ма Стомохин, на школьных вечерах исполнявший в лицах свой коронный номер "Лев пьяных не любил, сам в рот не брал хмельного, но обожал подхалимаж". Напротив, на другой стороне переуллка, жил уже упомянутой Валера Кудинов, один из победителей математической олимпиады, с мамой Алевтиной Ивановной Кудиновой, тогда — преподавательницей русской литературы в одном из техникумов, потом создательницей легендарной 116-й школы.

А за поворотом, направо, в "тылу" экипажа мореходки в небольшой комнате жил преподаватель училища, кавторанг Хомутов Михаил Дмитриевич с женой Анной Васильевной и дочерью Светланой. Света была нашей одноклассницей.

Стены комнаты были увешаны картинами Айвазовского — это были копии работ знаменитого мариниста, любовно выполненные Михаилом Дмитриевичем. Когда появлялась Аида Сафарян, Михаил Дмитриевич встречал ее арией Радамеса "Милая Аида...". Иногда его просили провести у нас в классе вместо отсутствующей учительницы урок по астрономии. Слушали его, затаив дыхание.

Ему очень шла морская форма. Но еще больше в нем привлекал какой-то внутренний аристократизм, отсутствие высокомерия и назидательности. С нами он общался часто с иронией, с юмором, но всегда как с равными. Замечательный был человек! И дочь у него такая же замечательная!

Мы не были похожи на лицеистов, но "сады Лицея" в те годы нам заменял Лермонтовский курорт с его уютным старым парком. Сколько откровений и девичьих секретов слышала полукруглая скамейка из черного мрамора, стоявшая тогда чуть в глубине от центральной аллеи, сколько первых свиданий было назначено в этот парке, сколько романов, будь то "Обрыв" Гончарова или "Дворянское гнездо" Тургенева, было прочитано на уединенной скамейке в окружении кустов и деревьев, почти над морем...

Небольшой пляж между Ланжероном и Отрадой, который мы так и называли — Лермонтовский, был для нас продолжением нашей Арнаутской слободки. Такой же непритязательный, уютный, домашний. На склонах в послевоенные годы еще не были высажены деревья и кустарники. Кажется, что они хранили пушкинскую первозданность: "С крутого берега сбегая, уж к морю направляюсь я". Склоны действительно были круты, и волны, как говорят, были другими...

Так возникла у моря, приютилась, приникла к нему Арнаутская слободка. Только бы не превратилась она в Атлантиду... В площадку под застройку.